

полагает Д. Н. Альшиц, а в августе и в последующие месяцы 1568 (7076/77) г.

Приведенный текст Царственной книги «О вражде между бояр...» свидетельствует только о том, что в ней (как выше говорилось) уже при составлении больше стало подчеркиваться «государское» начало. Если бы сам царь редактировал текст, едва ли он удержался бы от «прубиянского стиля», в котором был такой мастер.¹⁶³ Следов этого стиля нет ни в тексте Царственной книги, ни в приписках. Отметим также, что в данном тексте Царственной книги вовсе и не видно, что Тучков «попал в организаторы усобицы», — острое изобличения по-прежнему направлено против Шуйских: «...начаша враждовати князь Василей да князь Иван Василичев Шуйские на князя на Ивана на Федоровича на Белского да на Михаила Василичева Тучкова за то, что князь Иван Белской да Михайло Тучков советовали великому князю, чтобы князь великий пожаловал боярством князя Юрия Михайловича Голицына, а Ивана Ивановича Хабарова околыничим; а князь Василей да князь Иван Шуйские того не восхотеша. И многие промеж их бяше вражды о корыстех и о племянех их, — всяк своим печется, а не государским, ни земским. И о сем начаша вражду велику дръжати и гнев на Данила митрополита и на князя Ивана на Белского и на Михаила Тучкова да на диака на Федора на Мишурина». Таким образом, здесь нарисована картина (более подробная, чем в приписке к Синодальному списку) неблагоприятных действий Шуйских без ущерба для Тучкова. Следует подчеркнуть, что, если, как признает и сам Д. Н. Альшиц,¹⁶⁴ Царственная книга должна была поглотить Синодальный список, правомерно думать, что это «поглощение» происходило постепенно, но при этом бывали и изменения в тексте, подобные только что рассмотренному. Не надо упускать из вида, что перед нами — тексты, все еще редактируемые Висковатым. Доказательство этого можно видеть в том факте, что приписки в Царственной книге не успели войти в текст. Мы не знаем, как выглядел бы окончательный текст официального лицевого свода за эти годы. Но понятно, что экономить бумагу и щадить труды писцов не приходилось.¹⁶⁵ Как дипломат Висковатый отлично понимал не хуже царя значение исторического повествования о царствовании Грозного, и в частности об устранении Старицких. Бумагу жалеть не приходилось и по другой причине: по-видимому, ее осталось после казни Висковатого немало; не случайно ею пользовались в 1571 и 1572 гг. в Посольском приказе.¹⁶⁶

Ознакомление с общим характером поправок в Синодальном списке и Царственной книге, которых всего около ста, показывает, что в правке текста есть явные признаки профессиональных навыков редактора, привыкшего к письменной работе, который производил систематический просмотр написанного, а не только преследовал задачу внесения политической тенденции. Как говорит сам Д. Н. Альшиц, «на листах Царственной книги имеется несколько десятков мелких замечаний, добавлений и исправлений, вплоть до исправления орфографических ошибок, пропусков местоимений, предлогов, букв». Надо согласиться с мнением Д. Н. Аль-

¹⁶³ Д. С. Лихачев. Иван Грозный-писатель. — В кн.: Послания Ивана Грозного, стр. 465—467; Я. С. Лурье. Археографический обзор посланий Грозного. — В кн.: Послания Ивана Грозного, стр. 575.

¹⁶⁴ Д. Н. Альшиц. Источники..., стр. 123—124.

¹⁶⁵ Д. Н. Альшиц (Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени, стр. 287, прим. 111) напрасно считает такое отношение к работе писцов и к растрате бумаги невозможным для Висковатого.

¹⁶⁶ Лихачев, Вод. зн., т. I, стр. СХХVI—СХХVII.